

А. Я. Якобсон

ЭТНИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Закрепленные в Конституции РФ 1993 г. список и статус субъектов Федерации не удовлетворяют, как известно, различные политические силы и весьма уязвимы с точки зрения научной обоснованности.

Сталинская теория национального вопроса широко раскритикована, но идея самоопределения наций, причем в «сталинских», как правило, границах, остается весьма популярной. Именно она использовалась при обретении союзными республиками суверенитета и государственной независимости и используется сейчас национальными движениями или руководством республик России в борьбе за повышение статуса.

Как реакция сформировалась иная точка зрения, негативно оценивающая опыт и саму идею национально-территориальных единиц и призывающая к переходу на губернское деление с исключением этнического фактора, что компенсировалось бы культурной автономией. Такие взгляды нередко связаны с откровенно шовинистическими политическими течениями, но встречаются и во вполне серьезных научных исследованиях.

Из этих двух резко противоположных политических тенденций первая опасна своей сепаратистской направленностью и несправедливостью по отношению к нетитульным народам, прежде всего к русским (которые к тому же, как правило, составляют большинство населения республик, не говоря уже об автономных округах), а вторая — отрицанием права коренного населения на нечто большее, чем культурная автономия.

Эта проблема особенно ярко просматривается на конкретных примерах — хотя бы Байкальского региона, где «коренное» население составляют буряты, для которых эта земля — единственная в мире, а большинство населения — русские, за три века также укоренившиеся на этой земле, построившие здесь города и деревни, сформировавшие особые этнические группы и специфическую региональную разновидность русской культуры (не следует также забывать, что на периферии региона живут еще тофалары и эвенки, а в городах и отдельных сельских районах — татары, украинцы, евреи, немцы, чуваша, поляки и др.).

Напомним, что серьезные проблемы иного плана возникли сейчас в новых независимых государствах, где прослеживается тенденция рассматривать уже русских как меньшинство (численно приближающееся иногда к 50%, а в отдельных районах и значительно превышающее этот показатель) и уже за ними признавать право не более чем на культурную автономию.

В поисках истины следует прежде всего теоретически уяснить, в чем же заключаются интересы тех или иных этнических общностей при проведении

Якобсон А. Я. — канд. экон. наук, доцент, заведующий кафедрой экономики Иркутского технического университета.

Адрес: 664074. Иркутск-74, ул. Лермонтова, 83.

административных границ. Введем понятие этнических интересов, определив их как те интересы, которые являются общими для представителей определенной этнической группы, поскольку обусловлены их принадлежностью к данной группе. Такое определение предполагает приоритет интересов и прав отдельного человека. Простая логика, опирающаяся на данное понимание, позволяет выделить три группы этнических интересов.

1. Равноправие, т. е. отсутствие дискриминации по национальному признаку. Положение о равноправии было четко сформулировано в последней Конституции СССР (ст. 36): «Граждане СССР различных рас и национальностей имеют равные права... Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав, установление прямых или косвенных преимуществ граждан по расовым или национальным признакам, равно как и всякая пропаганда расовой или национальной исключительности, вражды или пренебрежения — наказываются по закону». Мы ссылаемся именно на этот, давно не действующий документ, так как в нынешней Конституции РФ соответствующая формулировка (ст. 19), на наш взгляд, несколько смазана: там речь идет о равенстве прав и свобод «независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств» и о запрете на ограничение прав «по признакам социальной, расовой, национальной, языковой и религиозной принадлежности»; специально же о национальном равноправии не говорится, хотя вопрос о равенстве мужчины и женщины развивается в отдельном пункте той же статьи.

В приведенной формулировке фактически речь идет о праве каждого человека «не иметь национальности», когда он этого не хочет. Это глубоко индивидуальное право, но там, где оно нарушается для какого-либо этноса, представителей данного этноса объединяет общий интерес, направленный на отмену дискриминации.

2. Приобщение к национальной культуре. Стремление «не иметь национальности» — т. е. требование, чтобы национальность не учитывалась при распределении тех или иных благ, не противоречит стремлению индивида одновременно (в иных ситуациях) «иметь национальность» — говорить в быту на родном языке, читать на нем периодику, обучать ему детей, соблюдать национальные обычаи, организовано общаться с соплеменниками и т. п. В отличие от первой группы, соблюдение этих интересов возможно лишь при наличии на данной территории некоего минимального количества представителей данной национальности, причем это количество различно, скажем, для открытия школы с обучением на национальном языке или с преподаванием этого языка, для открытия театра или издания газеты и т. д.; но уже для того, чтобы отметить национальный праздник, достаточно и одной семьи — лишь бы власти не рассматривали это как кривошею.

3. «Статус хозяина». Эта категория, в отличие от первых двух, обычно в литературе не обсуждается, а между тем она-то и является ключевой для понимания большинства межнациональных конфликтов. Для уяснения ее рассмотрим идеализированную ситуацию.

Пусть на некоторой самоуправляемой территории этнический состав населения практически однороден. Тогда для представителей основной националь-

ности вопрос о равноправии или о приобщении к национальной культуре даже не возникает. Дискриминация по национальному признаку для них исключена. Не нужно специально открывать школы с обучением на национальном языке, не нужно выбирать язык обучения: язык во всех школах один и другим быть не может. Национальные обычаи, праздники, символы естественным образом приобретают на данной территории официальный или полуофициальный характер. Такая ситуация наиболее комфортна для представителей национального большинства; малочисленная же остальная часть населения, особенно если она состоит из единичных представителей, обычно воспринимает все как должное.

Однако очевидно, что каждый из этих индивидов лишен того комфорта, который испытывают (чаще всего даже не задумываясь об этом) принадлежащие к большинству, а это не может не вести к дискомфорту. Разумеется, дискомфорт этот каждым индивидом может восприниматься более или менее остро и даже рассматриваться как нечто почти несущественное, но при сопоставлении данного региона с другим, где соответствующая национальность преобладает, этот момент будет отмечен как пусть маленький, но все же минус (естественно, сказанное не относится к личностям полностью ассимилированным, ощущающим себя частью этноса-большинства).

Рассмотрим теперь иную идеализированную ситуацию. Пусть соотношение «большинства» и «меньшинства» близко к равному. Тогда естественно стремление «меньшинства» к равенству с «большинством» — не только к личному равноправию, но и к равенству в «статусе хозяина». Например, «меньшинство», широко пользуясь родным языком в быту, заинтересовано в том, чтобы не переходить на язык «большинства», обращаясь в государственные органы, а для этого требуется, чтобы чиновники этот язык понимали (и обязаны были понимать), что лучше всего обеспечить заранее, обязательным изучением его в школе (как в национальных школах для «меньшинства» обязательно изучение языка «большинства»).

Тут-то и возникает конфликт. Как правило, две сосуществующие нации имеют разные основания претендовать на «статус хозяина». Таким основанием может служить, помимо уже сложившегося и ставшего традиционным статуса, любой из ниже перечисленных факторов:

— достаточно большая численность «меньшинства», почти не уступающая численности основной нации, а иногда и превосходящая ее, хотя та продолжает по традиции сохранять свой статус;

— память о том, что данная нация живет на этой территории искони (или достаточно давно), или когда-то господствовала здесь, или внесла существенный вклад в ее историю;

— численное преобладание или статусное господство в регионе более высокого ранга (например, в стране), при том что на данной территории нация не составляет большинства;

— и даже когда все это отсутствует — требование обеспечить права большинства, компенсировать его ущемленность.

К тому же претендующих на приоритетный статус наций может быть более двух, и для возникновения таких претензий совсем необязательно численное равенство — достаточно минимально компактного скопления. При небольшом количестве представителей данной нации (возможно, достаточном для разви-

тия национальной культуры) претензии на «статус хозяина» могут еще долго не возникать, но заинтересованность появляется.

Если говорить в терминах не интересов, а прав, то, видимо, здесь применимо общее для всех гражданских прав (например, свободы слова) положение: право на «статус хозяина» в идеале должно предоставляться любой претендующей на это нации, поскольку это не ущемляет интересов других наций (а точнее, представителей других наций); в конфликтных ситуациях следует сопоставлять все основания и, вполне возможно, идеальный вариант окажется нереалистичным, но не перестанет от этого быть идеальным, т. е. в принципе желательным.

Можно отметить еще одну — дополнительную — группу этнических интересов. Это льготы по национальному признаку. В принципе, заинтересованность в таких льготах, объяснимая психологически, носит противоправный характер. Но, видимо, в виде исключения, общество может в отдельных случаях и на строго ограниченный срок допускать подобные льготы применительно к нациям, отставшим в развитии из-за каких-то особенностей своей истории (особенно из-за национальной дискриминации). Здесь важно, во-первых, иметь уверенность, что данные особенности повлияли на замедление социального развития этой нации именно как общности, что имела место причинная, а не вероятностная связь, во-вторых, не допускать, чтобы льготы одним не превратились в ограничения для других — последнее недопустимо даже в виде исключения.

Можно ли, однако, этого не допустить? Продемонстрируем это на условном примере. Допустим, при вступительных экзаменах на некий факультет при плане приема 100 человек 80 абитуриентов набрали от 12 до 15 баллов и 50 — по 11. Очевидно, из последней группы большинство зачислено не будет, для отбора понадобятся дополнительные критерии. Допустим теперь, что в экзаменах участвуют представители «привилегированной» по каким-то соображениям национальности и что один из них набрал 11 баллов и еще двое — по 10, остальные же — меньше. Если сразу включить первого в число 20 «счастливых», даже если включить в это число двух других, то не будут нарушены чьи-либо личные права: каждый из 50 должен быть готов к тому, что персонально он не будет зачислен, раз набранный им балл всего лишь полупроходной. Иное дело, если бы была возможность ранжировать абитуриентов недискретно: тогда и занявший 100-е (т. е. не 101-е!) место был бы вправе рассматривать свое незачисление как акт дискриминации по национальному признаку, хотя бы первые 99 были той же национальности.

Вернемся к «статусу хозяина». Понять эту категорию нельзя, не отказавшись от традиционного представления о национальных территориях, якобы принадлежащих тому или иному этносу, и о возможности разделить Землю на такие территории. Трудно перечислить все конфликты и войны, в том числе идущие сейчас, которые возникли из-за такого представления. Ведь у националистов каждого этноса есть довольно четкие соображения по составу «своей» национальной территории. Сюда обязательно включается вся территория, где этот этнос сегодня является титульным (если таковая имеется), независимо от того, насколько обоснованы ее границы; но, как правило, этот минимум дополняется всеми землями, которыми этнос в лице своего государства хоть

когда-либо владел (а возможно, и не владел, а лишь предъявлял на них претензии, как Россия на Черноморские проливы) или где его представители компактно проживают сейчас. Но совершенно очевидно, что любой клочок суши, входивший когда-либо в состав разных государств или со смешанным составом населения, при таком подходе становится объектом притязаний нескольких этносов.

Вместо «национальной территории» введем понятие «геоэтнический регион». Это та территория (нечетко очерченная), в рамках которой лежит экологическое местообитание данного этноса, сформировавшееся в соответствии с его историко-культурными особенностями и служащее необходимым условием воспроизводства национальной культуры и самого этноса в том виде, в каком они реально существуют. Подобно тому, как по разным принципам и критериям определяются место обитания видов, занимающих разные экологические ниши, в соответствии с совершенно различными принципами формируются геоэтнические регионы разнотипных народов: оседлых, кочевых (хотя бы в прошлом), имперских, диаспоральных и т. д. Отсюда, неизбежны территориальные перекрытия. Например, упоминавшийся выше Байкальский регион, очевидно, представляет собой одновременно часть единого геоэтнического региона русского этноса и (по крайней мере большей своей частью) геотнический регион бурят.

Непонимание экологической природы и разнотипности геоэтнических регионов приводит к хорошо известным недоразумениям. Так, А. И. Солженицын, критикуя российско-казахстанскую границу, возмущается прирезкой к Казахстану тех территорий, где «казахи раз в году скот перегоняли» [1]. В его представлении Казахстан — это лишь та территория, где казахи, подобно русским, пахут землю и сеют хлеб. А на самом деле, в соответствии с традиционным способом существования казахов (экологической ниши этноса), их местообитание как раз и образуется территорией, в пределах которой хотя бы раз в году перегоняют скот.

Такую же ошибку совершил латышский поэт К. Скуениекс, удивившийся, что «сейчас около 60 миллионов — а то и больше — русских живут за пределами своей Родины» [2]. По Скуениексу, Россия точно также кончается на границе Латвии, как Эстония или Литва (не будем говорить о допущенной им фактической ошибке: 60 миллионов — это численность не русских, живущих вне России, а граждан СССР различных национальностей, живущих вне своих «титальных» образований; впрочем, ошибка эта достаточно красноречива). Но для русских также естественно было мигрировать по всей территории Союза, как для латышей — по всей территории Латвии. Это не хорошо и не плохо, это объективный факт.

Совершенно очевидно, что при принятом нами подходе невозможно так разделить территорию, чтобы это было справедливо по отношению ко всем живущим на ней этносам. Но это еще не основание бросать камень в творцов советской территориальной организации национальной политики. Во-первых, они следовали принципу самоопределения наций, который не ими был придуман и разделялся тогда всеми цивилизованными политическими силами. Во-вторых, в выправлении национальной политики царской России просто неизбежен был перегиб палки в противоположную сторону. В-третьих, советская

национальная политика до 2-й половины 1930-х гг. по своей организации принципиально отличалась от позднейшей, в основных чертах дожившей до 1989 г. Она складывалась из трех направлений, соответствующих трем проявлениям национальных интересов:

1) обеспечивающей территориальной организации как важной, но не единственной составляющей, на данной территории «статус хозяина» соответствующего народа, более многоступенчатой и поэтому позволяющей охватить небольшие национальные анклав и ареалы расселения многочисленных народов;

2) фактически культурной автономии (хотя и без институционального оформления), позволяющей, независимо от официального статуса той или иной территории, охватывать ее деятельностью школ, периодических изданий, театров, иногда даже вузов на языках всех живущих здесь народов;

3) официального признания интернационализма высшей государственно-идеологической ценностью и запрета любой этнической дискриминации.

И лишь начиная с 1937 г. (параллельно другим известным событиям и в полном соответствии с ними) пошло изменение курса. И хотя самые острые «перегибы» были позже отчасти выправлены, в основном национальная политика так и осталась «сталинской». Теперь она уже почти целиком определялась территориальной организацией, а последняя стала более простой и однозначной. При таком положении неизбежные несовершенства территориальной организации уже ничем не уравнивались.

Если говорить о будущем, то ситуация упрощается, если принять, что статус хозяина может быть закреплен более чем за одним этносом. Даже если субъект Федерации носит название по тому народу, с геоэтническим регионом которого его территория примерно совпадает, это не должно затмевать того факта, что некоторые другие народы здесь также являются хозяевами. Важно выработать такую систему региональных ценностей, которая учитывала бы этот факт, опиралась на разные культурно-исторические традиции. Например, в довоенной Белоруссии были конституционно закреплены как равноправные четыре государственных языка — белорусский, русский, еврейский, польский. Можно упомянуть также флаг Великобритании, образованный наложением флагов составляющих ее частей, или случай, описанный М. А. Шолоховым в «Тихом Доне»: одно из эфемерных государств, возникающих в ходе Гражданской войны на Дону, имело трехцветный флаг, символизирующий единение казаков, иногородних и калмыков.

Разумеется, выработать такую систему ценностей непросто, особенно когда два соседних народа имеют давнюю (или «свежую») традицию вражды. Да и без таких традиций — как убедить в необходимости этого народ-большинство, особенно если он только что завоевал независимость и упивается ею. Но единственная альтернатива — перманентная гражданская война, хотя бы и в «мирных» формах.

Если применить сказанное к гипотетическому случаю превращения Байкальского региона в субъект Федерации, то в «региональной» конституции могли бы быть оговорены статус русского и бурятского языков (например, обязательное дублирование на последнем документов общерегионального значения, обязательное изучение бурятского языка в школах на территориях компактно-

го проживания бурят хотя бы в качестве меньшинства) и других аспектов, важных для обоих этносов (символика, праздники и др.). Подобный регион не был бы ни «республикой бурятского народа» (т. е. «нерусской»), ни просто одной из российских губерний.

Иными словами, необходим не отказ от «советской» системы с возвращением к досоветской, а переход к новой системе, учитывающей все положительное, что было в прежней.

Литература

1. Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию? // Комсомольская правда. 1990. 18 сент.
2. Скуениекс К. Я желаю русскому брату встать на ноги // Дружба народов. 1990. № 7.